

К 100-летию начала Первой мировой войны

**Продолжение.
Начало в № 3**

**ГЛАВА 8
«Фракция десяти»**

Отбивались от обвинений и «коммерсанты». Владимир Наумкин, у которого нашли запрещённые книги социал-демократического содержания, заявил, что они достались ему от старшего брата, переехавшего в Астрахань, а «крамольные» стихи в тетрадь он вписывал за три года до того, как её обнаружила полиция, «для собственного интереса». В подпись на «Наш голос» признался только один учащийся – Константин Науман. А то, что «заговорщики» организовали кружок «для распространения идей социал-демократической партии», и вовсе не подтвердилось: друг друга сдавать подозреваемые не собирались, а иных доказательств у полиции не оказалось.

За недостаточностью улик было прекращено дело и в отношении Гофмана. Тем не менее начальник Самарского губернского жандармского управления полковник Познанский в конце своего доклада директору департамента полиции обратил внимание на то, что «данные, добытые как дознанием, так и перепиской, являются неопровергимым доказательством вредной деятельности этого педагога».

А среди балаковских обывателей эта неприглядная история вообще воспринималась как склока.

Дело в том, что в Балаково Звегинцев приехал по приглашению Гофмана: чтобы давать частные уроки по иностранным языкам. Звегинцева рекомендовала его дальняя родственница, преподаватель французского языка в коммерческом училище Мария Николаевна Томсон. Она и не предполагала, что эта услуга обернётся «медвежьей».

Вскоре о Звегинцеве по городу покатилась дурная слава: денег берёт много, знаний даёт мало, да ещё нередко грубо ведёт себя с учениками. Ясно, что ни Гофману, ни Томсон это не понравилось, и они прервали с

На краю...

(Балаково в годы Первой мировой войны)

Духовой оркестр коммерческого училища

заезжим «учителем» всякие отношения. Вот он и решил отомстить.

«Как-то случайно, будучи в переплётной мастерской, г. Звегинцев просматривал от нечего делать лежащие на прилавке книги из библиотеки коммерческого училища, отданные в переплёт, и среди них обратил своё внимание на одну книжку, принадлежащую лично директору (что явствовало из надписи на ней автора), но попавшую с другими его же книгами также в переплёт вместе с книгами библиотечными, – отчитывался в «Саратовском листке» корреспондент Михаил Карнеев. – Очевидно, опытный в деле сыска и фиска, г. Звегинцев признал упомянутую книжку запрещённой, взял её себе, торжественно заявив, что теперь уж он директора доедет. Прежде всего он с этой книжкой отправился к городскому старшине И. В. Мамину, очевидно, в надежде, что этот последний, как имевший в прошлом служебное столкновение с директором (вероятно, имелись в виду разногласия по ведению дел училища – Ю. К.), ухватится за это дело и примет участие в «благородном» деле Звегинцева, но г. Мамин, как и следовало ожидать, с презрительностью отказался. Тогда г. Звегинцев обратился к И. В. Кобзарю, как почётному попечителю

училища, но и тут потерпел фиаско. Кобзарь только посмеялся над сыщиком – добровольцем, поднимающим целую историю из-за очевидного недоразумения и случайности».

Не получив поддержки балаковского общества, Звегинцев и

обратился к жандармам, пытаясь придать этому «делу» политический оттенок. Даже во время допроса он заявил: «...отношения между нами стали портиться, так как я убедился, что Гофман по своим политическим взглядам является крайним левым».

А попутно «потомственный дворянин Курской губернии» решил покуражиться и над не поддержавшим его Кобзарём. Звегинцев обратился в суд с требованием взыскать с местного богача 160 рублей, которые якобы не были им уплачены за проведённые уроки. И вот что выяснилось на суде.

В августе 1915 года Кобзарь через свою родственницу пригласил Звегинцева заниматься со своими детьми иностранными языками с платой 50 р. в месяц без письменного договора. Приступив к занятиям, Звегинцев попросил дать ему аванс в 100 рублей. Договорились, что погашаться он будет автоматически: ежемесячным вычитанием 15 рублей из жалования.

Но вскоре Кобзарь понял, что нанятый им учитель его детям не нравится, что толку от него нет почти никакого, и от его услуг отказался. Причём в знак «благодарности» даже не стал требовать выплаты всего сторублёвого аванса, который был погашен лишь наполовину.

И Звегинцев «отблагодарил» благодетеля. Он развернул такую арифметику в свою пользу, что даже судья ахнул. По «расчётом» Звегинцева расплатиться по авансу он смог только через семь месяцев. Значит, Кобзарь в целом должен был заплатить за уроки, как минимум, 245 рублей ($35 * 7$), а он из-за досрочного прекращения занятий, заплатил на 160 рублей меньше. Конечно, в иске было отказано.

В те же дни в коммерческом училище произошла реформа. Согласно распоряжению министерства торговли и промышленности, здесь был создан родительский комитет. Это могло произойти и раньше, т.к. соответствующий документ пришёл в Балаково ещё накануне нового года. Однако эпидемия скарлатины, накрывшая «коммерсантов», не позволила это сделать раньше. Впрочем, торопиться было и незачем. По мнению родителей, затяянная сверху реформа не сулила ничего хорошего.

На общем собрании священник Константин Введенский с грустью заметил, что далеко «не так складалось, как ждалось». По его словам, «за родителями незыблемым по-прежнему остаётся только одно право – поставлять детей в учебное заведение да ещё заботиться об увеличении материальных средств его». Что же касается вопросов обучения и воспитания, то тут права родителей сводились почти на нет. При этом директор надеялся такими правами, что, при желании, он мог если не перечеркнуть роль родительских собраний, то, во всяком случае, всячески тормозить их работу.

Поддержал священника и почётный попечитель Кобзарь. Он заявил, что «прав у родителей действительно мало, а обязанностей, хотя и много, но все они больше платонические, а не реальные».

Тем не менее, родительский комитет создали. Его председателем был избран А. К. Носин, заместителем председателя – А. Г. Афанасьев, казначеем – И. В. Кобзарь, секретарём – Н. А. Пастухов.

Юрий КАРГИН
Продолжение следует